

NON IMPARIAMO PER LA SCUOLA, MA PER LA VITA

ITALIANO

Этот выпуск посвящен итальянскому языку. О его особенностях, опыте обучения, влиянии на его восприятие знакомства со страной, культурой, академической средой носителей языка рассказывают **Юлия Иванова**, **Андрей Россиус** и **Михаил Андреев**.

Юлия Иванова,
доцент школы филологии факультета
гуманитарных наук, ведущий научный
сотрудник Института гуманитарных
историко-теоретических исследований
имени А.В. Полетаева (ИГИТИ)

Ни в школе, ни во время учебы в университете (МПГУ, бывший Ленинский) интереса к итальянскому языку у меня совершенно не было. Я хотела заниматься совсем седой древностью. На 1-м курсе возникла возможность изучать древнегреческий у очень интересного преподавателя – выпускницы МГУ Алисы Александровны Завьяловой, которая вела у нас античную и средневековую литературу. К ней пришли учить греческий самые известные в вузе интеллектуалы со старших курсов. Дружба между членами нашего маленького античного кружка не прекращалась на протяжении многих лет после того, как Алиса Александровна, к сожалению, покинула университет. Я рада была узнать, что один участник нашего тогдашнего кружка несколько лет назад стал профессором Вышки – это известный лингвист-медиевист Роман Кривко, стипендиат фонда Гумбольдта, он уже доктор наук и заведует отделом исторической лексикографии в Институте русского языка РАН.

Заниматься античной литературой в аспирантуре кафедры всемирной литературы МПГУ мне не разрешили, потому что на этой кафедре не было ни одного античника, который мог бы мною руководить. Тогда я выбрала Аврелия Августина – автора, которого можно считать античным (хронологически) и средневековым (потому что традиционно в России христианские авторы первых веков изучаются в курсе средневековой, а не античной литературы). Моим первым оппонентом на защите диссертации был Михаил Леонидович Андреев, работавший тогда в Институте мировой литературы им. Горького (ИМЛИ) и в ИВГИ РГГУ. Он предложил мне работать у него в секторе, в том проекте, которым он руководил, – это было создание многотомной «Истории литературы Италии». Для выпускницы малопрестижного пединститута это была не просто большая честь, а что-то ну совершенно невероятное. И еще больше, чем просто факт приглашения в ИМЛИ, меня взволновал, конечно, тот факт, что предложение исходило от специалиста, которого все мы считали одним из самых серьезных ученых в России. Естественно, я сразу начала учить итальянский, опираясь на как-то знакомые французский и латынь, и примерно за пару месяцев научилась быстро читать на нем научные тексты. А вот на разговорную практику ни времени, ни денег уже не было.

Мне ведь тогда исполнилось уже 26 лет, и я растила маленькую дочку, когда мне пришлось не просто осваивать новую для меня специальность – итальянскую литературу, – но и много писать: мне был поручен большой раздел тома «Истории литературы Италии», посвященного XV веку, – вся гуманистическая неолатинская литература. Я придумывала и концепцию, и композицию раздела, и то, о каких авторах писать, а о каких – не стоит. В итоге написала 22 с половиной авторских листа. И все это – с нуля, одновременно изучая язык. В 2008 году за этот том его главный редактор Михаил Леонидович Андреев получил в Италии престижную международную премию Флайяно – наш том «Кватроченто» был признан лучшей книгой года, написанной об итальянской культуре за пределами Италии.

В ИМЛИ мне помогал один замечательный ученый и переводчик итальянской художественной литературы Руф Игоревич Хлодовский. Он был мне не только учителем, но и прекрасным другом. В этом человеке сошлось сразу несколько аристократических линий, русских и польских. Общение с ним очень многое мне дало. Наряду с прочим, оно во многом сформировало мой взгляд на Италию и итальянцев. Возможно, без него у меня гораздо больше сохранялось бы изначально возникшее от итальянского языка негативное ощущение: сперва мне казалось, что итальянский – это такой французский, в котором слишком много лишних букв, а итальянской литературы во многих ее проявлениях – например, авторов XX века – я совсем не знала. Меня с ними знакомил Руф, и с итальянским кино тоже. И постепенно ощущение раздражения стало уходить, и я уже ловила себя на том, что мне гораздо проще сказать что-то нужное по-итальянски, чем по-французски или по-английски, хотя эти языки я начинала учить гораздо раньше и посвящала им больше времени, чем итальянскому.

Интенсивно работать в итальянской языковой среде я начала с 2013 года, когда благодаря вышкинским заработкам

у меня появилась возможность довольно часто ездить за рубеж и проводить конференции и прочие мероприятия и в России, и за границей. До этого были только частные поездки, была совсем давно – в 2002 году – месячная стажировка в Академии дела Круска, попасть на которую мне помог Михаил Леонидович Андреев и в ходе которой я сделала столько ксероксов, что мне пришлось купить для них чемодан размера L. Была еще поездка по тридцати итальянским городам и борго на грант «Учитель – ученики» с тремя моими бывшими студентами – Ильей Гурьяновым, Асей Копыловой и Ангелиной Бухаровой. Все они теперь преподают в Вышке и/или учатся в ее аспирантуре. Лично во мне знакомство с любой страной, не только с Италией, рождает желание изучать ее язык. Применительно к Италии это тем более важно, что представители итальянской академической среды, особенно итальянисты, редко готовы говорить с вами на каком-либо языке, кроме своего родного. Учитывая, что заниматься Италией я начала в 2000 году, а работать с итальянцами – в 2013-м, можете себе представить, сколько я прочитала книжек по-итальянски до того, как мне пришлось разговаривать и переписываться с людьми из итальянской академической среды. Я читала множество самых разных текстов от XIV до XXI века, поэтому едва ли могу сказать, что живая речь итальянцев что-то всерьез добавила к моему восприятию языка. Когда я стала приглашенным преподавателем Университета Восточного Пьемонта (2013-14), пришлось осваивать умение писать лекции по-итальянски в объеме 40-50 тысяч знаков в день: в этом университете принято предлагать студентам перед зачетом свои лекции в письменной форме.

По моим наблюдениям, итальянцев редко интересуют правила написания научных работ, принятые в англосаксонском регионе. Зато иногда я слышу, как итальянцы за глаза ругают кого-то из своих же коллег-итальянцев за то, что итальянский у него/нее недостаточно хорош. Самая большая проблема в академической коммуникации между нами, сотрудниками Вышки, и итальянцами сейчас отнюдь не в языке. Она в том, что у итальянцев очень развит локальный патриотизм. Они могут быть очень приветливы с иностранцами – на первый взгляд. Но на самом деле они совершенно не готовы признать, что кто-то делает что-то лучше, чем они. Поэтому часто можно видеть, как итальянцы, отправляющиеся в командировку на три дня, везут с собой в другую страну в огромных чемоданах свою

еду и вино. В науке это проявляется в крайнем недоверии к англосаксам, которые, по ощущению большинства ученых-итальянцев, навязывают миру свои стандарты, совершенно не имея на это права. Вот здесь и начинаются наши проблемы. Например, у итальянцев много журналов, которые основаны сотню лет назад, а иногда и больше. И эти журналы совершенно не стремятся ни в какой Scopus или WoS – им и так хорошо, их в родной Италии все знают. Например, один из журналов, в которых мы публикуемся, основал Бенедетто Кроче. А Вышка этот журнал (как и много других) отказывается признавать в качестве релевантного для публикаций своих сотрудников: какой-то авторитетный вышкинский эксперт (возможно, не читающий по-итальянски) сказал, что «не знает такого журнала». И вот мы оказываемся перед выбором: либо мы остаемся в нашем итальянском сообществе и публикуемся в его изданиях, либо ищем издания, входящие в Scopus, но неинтересные нашим итальянским коллегам. А делать двойной комплект публикаций мы не можем: нам для того, чтобы что-то написать, сначала нужно прочитать несколько тысяч страниц по-латыни и/или все на том же итальянском, только XVII или XVIII века.

Андрей Россиус, профессор школы философии факультета гуманитарных наук

Итальянский язык я специально не изучал. Уже во время обучения в университете я убедился, что без научной литературы на итальянском языке в вопросах, касающихся античной философии, обойтись невозможно точно так же, как без литературы на английском, немецком и французском. При хорошем знании латыни итальянская грамматика, как и грамматика других романских языков, трудности не представляет, поэтому приступить к чтению написанных по-итальянски статей и книг было вполне естественным делом. По прошествии небольшого времени я увидел, что нет особых препятствий и к тому, чтобы осуществить естественное желание ознакомиться с шедеврами итальянской литературы. Наконец, когда в 1989 году меня впервые выпустили за границу, это была международная конференция, посвященная сочинениям Платона, проходившая в Италии. Так я получил возможность начать по-итальянски говорить, причем сразу с носителями высокой культуры речи. Перейти от пассивного знания к активно-

му владению было совсем нетрудно, так как итальянский язык, даже «высокого» стиля, сравнительно прост. Я и до сих пор считаю хорошую начитанность на том или ином языке лучшим и кратчайшим путем к его изучению (только читать необходимо не всякую дребедень, а лучшее, что на этом языке создано).

До первого путешествия в Италию я по-итальянски не говорил (и мне вообще трудно поверить в то, что «теоретическое» умение говорить на любом языке может иметь какой-то смысл). Таким образом, знакомство с Италией добавило мне умение разговаривать и всю стилистику бытового использования языка. Вряд ли это имеет значение для научной работы, но в повседневной жизни весьма удобно. При этом важно отметить, что едва ли я смог бы читать по-итальянски лекции, если бы я не обладал знаниями лексики и стилистики культурной итальянской речи, полученными из художественной литературы; «бытового» языка хватит лишь на обсуждение бытовых же вопросов. Мне неясно, как «знакомство с культурой» может что-либо добавить к «восприятию языка»: изучение написанных по-итальянски текстов художественных и прочих произведений и есть ознакомление с культурой, точнее, важнейшая сторона этого познавательного процесса.

Ни итальянский, ни какой-либо иной из общеупотребительных в научном обиходе языков никакого влияния на содержательную сторону ученого труда и на применяемую в нем аргументацию не оказывает. Об этом скажет любой человек, достаточно владеющий наряду с родным двумя-тремя языками, чтобы писать на них. Формулировка и описание научных проблем, в том числе самых абстрактных – вроде тех проблем, с которыми имеет дело философия, – на итальянском языке ничем не отличается от таковых на английском, немецком, французском или русском. Все эти языки имеют вполне разработанный лексический и грамматический аппарат для обсуждения таких проблем, а трудности, с которыми приходится сталкиваться исследователю, обусловлены общими свойствами и ограничениями естественных языков. Что же касается языков искусственных, созданных специально ради соответствия тем или иным научным задачам, вроде языка формальной логики, то таковые универсальны для всей европейской (в широком смысле слова) культуры и науки, независимо от конкретной среды естественного языка, в которой данному научному языку выпало быть употребленным.

Мой личный опыт написания статей и иных работ на итальянском и других языках ни в чем не расходится с приведенным выше рассуждением. Если в должной мере владеешь присущими данному языку средствами выражения мысли и ее оттенков – а такой опыт возможно получить только путем освоения достойных образцов стиля, т.е. систематически читая хорошие тексты, – трудность изложения на письме любого теоретического вопроса будет определяться исключительно трудностью самой материи, но никак не «сопротивлением» языка.

Михаил Андреев,
ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных историко-
теоретических исследований
имени А.В. Полетаева (ИГИТИ)

Когда я оказался на филфаке МГУ, там как раз открывались две группы с «редкими» языками – итальянская и датская (итальянский считался «редким», поскольку группа образовывалась раз в пять лет). Я выбрал итальянскую и не жалею. Не было бы этой вакансии, не стал бы я итальянистом.

Я попал в Италию впервые тридцати шести лет – поздно начинать первоначальное знакомство. Правда, на третьем курсе нашу группу почти в полном составе сняли с учебы и перебросили в Тольятти, где в это время заканчивалось строительство автозавода, шел монтаж оборудования и готовились к пуску. Полгода мы там протрубили переводчиками, в итоге проучились в МГУ на год больше. А как по-итальянски будет «чугунно-литейный цех», я скажу, даже если меня разбудят посередине ночи. Не знаю, впрочем, можно ли это считать знакомством с «академической средой носителей языка».

Любой язык накладывает отпечаток на постановку и описание научной проблемы, если ты работаешь в гуманитаристике. Скажем, я полжизни занимаюсь исторической поэтикой, но по-итальянски такого направления в науке нет, и рассказывать о предмете моих занятий мне приходится описательно. Беда небольшая, рассказать можно, и тебя в конце концов поймут, но проблему переводимости приходится решать постоянно с большими или меньшими усилиями. Другое дело, что в науке она в принципе решается, в отличие от художественного перевода. Когда-нибудь и она исчезнет – когда туземные языки останутся только в природных заповедниках.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев.

Материалы подготовлены при участии В. Селивёрстова.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677.

Подписаться на рассылку можно здесь: <https://okna.hse.ru/contacts>.

Дата выпуска: 10.05.2018.